

О РИТОРИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К АНАЛИЗУ ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА

И. А. Мельникова

„Культура все больше и больше открывается нам как универсальная система символов, регулируемая одними и теми же операциями; это символическое поле обладает единством, и культура во всех аспектах представляет собой язык. Можно поэтому предвидеть ныне возникновение единой науки о культуре, которая будет, конечно, опираться на различные дисциплины, но сходные в том, что они на разных уровнях описания стремятся изучать культуру как язык“ [Барт, 1993, 85]. Сегодня можно говорить не только об изучении культуры как языка, но и о подходе к философии как к языку: „Что-то мешает нам услышать тему „язык философии“ так, словно при философии, кроме философии есть еще и язык, что-то вроде ящика с инструментами... Мысль всегда имеет исключительное отношение к слову. Философия несет в себе язык“ [Бибихин, 1993, 57]. Несмотря на существование общих работ по проблемам соотношения философии и языка, исследований собственно философского дискурса до сих пор не проводилось. В статье впервые предпринята попытка наметить принципы изучения философского дискурса, которые, на наш взгляд, дадут возможность определить соотношение когнитивной модели философа и структуры философского дискурса.

Чтобы определить подход к исследованию языка философии, необходимо обратиться к существующим в современной лингвистике и семиотике направлениям изучения дискурса, самыми представительными из которых являются: теории когнитивных механизмов обработки дискурса (Кинч, Ван Дейк), теория речевых актов (Остин, Серль), стилистика декодирования (Шеннон, Риффатер), неориторика: общая риторика группы μ (Дюбуа, Эделлин) и теория аргументации (Перельман, Ольбрехт-Титека). Все эти теории связывает изначальная посылка – понимание речи как одного из видов деятельности. И, как

представляется, основой перечисленных теорий является риторика, которую многие современные лингвисты, как то Дресслер, Греймас, Курт, Ван Дейк, Барт, Лотман... рассматривают как более раннюю историческую стадию развития теории изучения дискурса.

Среди названных теорий наиболее перспективной представляется неориторика. Она особенно интересна как научная концепция, „основанная на глубокой традиции мысли, обобщающая значительный фактический материал“ и имеющая практическую ценность результатов [Волков, 1987, 16]. Её возникновению предшествовал этап эмпирических и теоретических разработок, которые велись за пределами самой риторики [Дюбуа, 1986], но два несовместимых начала в риторической науке породили два понимания риторики: взгляд на её сущность с течением времени менялся – если сутью риторики, изложенной в трактатах Исократ, Гермагора, Аристона, Цицерона объявлялось убеждение, то уже в средние века, пройдя второй этап своего развития (искусство „говорить хорошо, правильно“), риторика представлена как искусство красно-речия. Подход к риторике как к искусству красно-речия привел к выхолащиванию анализа реальных способов рассуждения, что „побудило современных логиков создать новую риторику, которую они назвали теорией аргументации. <...> Оригинальность и важность результатов, полученных этими неориторами (Перельман, Ольбрехт-Титека), не подлежит сомнению. Бесспорно также и то, что подобные исследования относятся к области риторики“ [Дюбуа, 1986, 34].

Для более полного понимания преемственности и взаимодополнения неориторики и античной риторики обратимся к краткому изложению традиционной риторической схемы.

Классическая схема античной риторики состоит из пяти частей:

1) *inventio* – инвенция – изобретение. На уровне инвенции происходит „изобретение“ темы – основной идеи текста – с последующим выделением „общих мест“ (топосов), т. е. разложением темы на суб-концепты.

2) *dispositio* – диспозиция – расположение. На уровне диспозиции перегруппировываются элементы инвенции и выстраиваются в необходимом порядке.

3) *elocutio* – элокуция – „словесное выражение“. На уровне элокуции определяется выбор слов, фигур, общего построения фразы.

4) *memoria* – запоминание – разучивание текста наизусть для воспроизведения перед слушателями.

5) *actio hypocrisis* – разрывание – художественная декламация с соответствующими мимикой и жестами.

Рассматривая традиционную риторическую схему, необходимо отметить то, что объект изучения классической риторики был достаточно узким, включающим в себя лишь частные разновидности текстов, ориентированных на устное воспроизведение, хотя предмет изучения оказался шире. Но, несмотря на это, изучение схемы позволяет говорить о существовании общей схемы теории речевой деятельности, разработанной в классической риторике.

Вернемся к современной неориторической концепции. Неориторику Х. Перельмана называют теорией аргументации. В логической традиции аргументация обычно связывается с истинностью: аргумент является демонстрацией истинности логического вывода. При когнитивном подходе, который используется в неориторических теориях, аргумент – это текст, изменяющий „модель мира“ реципиента для влияния на процесс принятия им решения. „Таким образом, когнитивная теория аргументации предполагает в качестве предварительного условия определенную разработку модели когнитивной системы человека, то есть изучение средств конструирования и изменения „моделей мира“ в когнитивной системе“ [Петров, 1987, 3].

Исходя из сказанного, основные понятия концепции Перельмана отличаются от традиционных: „оратор“ здесь – языковая личность, порождающая устный или письменный текст в отличие от оратора традиционной риторики, воспроизводящего текст в устной форме (что объясняет выпадение двух последних частей риторической схемы во всех теориях дискурса, опирающихся на классическую риторику). „Аудитория“ – своего рода теоретический конструкт. А „аргумент“ – „речевое построение, которое может изменить ход мысли получателя речи“ [Волков, 1987, 56], в отличие от аргумента как формы рассуждения, имеющей целью из известных положений вывести новое,

при жесткой схеме видов аргументов, определенных риторическим каноном.

Главной задачей риторической теории аргументации становится изучение дискурсивных техник, то есть изучение „всех типов аргументов во всех типах высказываний при любом типе аудитории“ [Perelman, 1977]. „Риторическая теория текста ставит своей целью показать, что даже в очень локализованных речевых играх в действие вводятся не осознаваемые говорящими текстообразующие механизмы, требующие специальной интерпретации“ [Мейзерский, 1991, 1].

Предметом риторики, по Х. Перельману, является то, что относится к мнению – эпидейктическая речь, в основе которой – ценностное суждение (*jugement de valeur*). В этом вопросе Перельман продолжает традиции классической риторики. „Вся греко-латинская традиция риторики учит, что ценностные суждения, в отличие от математических доказательств, не могут быть ни формально корректными дедукциями, ни индуктивными умозаключениями, идущими от частного к общему, а являются различными видами аргументов, развернутой аргументацией, позволяющей „подготовить умы к восприятию идей, которые представлены к их одобрению“ [Perelman, 1977, 10]. Основной целью аргументации является присоединение (*adhesion*) аудитории к положениям оратора. „Конкретный факт согласия основан на топосе. Топосы (места) представляют собой общие послышки, часто подразумеваемые, которые включаются в обоснование большей части предпочтений и выборов.“ [Волков, 1987]. Х. Перельман говорит о местах количества, качества, порядка, существования, сущности, лица и ценности, абстрактных и конкретных, но как главенствующие выделяет места количества и качества, поскольку именно они являются определяющими для двух основных типов аргументации: „классического“ и „романтического“. Количественные топосы оказываются определяющими для „классического“ типа аргументации, обосновывающего преимущества существующего положения вещей, качественные (норма как идея, единичное, уникальное) – для „романтического“ типа, обосновывающего изменение положения вещей, противопоставляющего „свое“ уникальное массовому.

Поскольку под аргументом в теории аргументации понимается речевое построение, способное изменить ход мысли получателя речи, речевая форма аргумента включает выбор слов, синтаксическую организацию и фигуры речи. Отбор аргументов происходит либо ассоциативно, либо диссоциативно, когда можно говорить о дистантном расположении тезисов, традиционно связываемых друг с другом. Основные типы связи представлены тремя типами аргументов: 1) квазилогическими аргументами, 2) аргументами, базирующимися на структуре реальности и 3) аргументами, способствующими образованию этой структуры.

Первый тип аргументов используется в таком дискурсе, когда создается пространственная структурализация мира, исключая взаимодействия, наложения, когда реальность сводится в некоей схеме. В конце рассуждения, как правило, происходит обратная транспозиция заключения на „реальность“. Квазилогические аргументы близки формальным доказательствам логической природы, но отличаются тем, что предполагают „молчаливое согласие“ аудитории с неформальными посылками, которые обеспечивают их применение. Х. Перельман приводит как примеры квазилогических аргументов противопоставление, несовместимость, идентичность, дефиницию и тавтологию, правило взаимности, переходности, включение и разделение.

Следующий тип аргументов (аргументы, базирующиеся на структуре реального) основан на связях между элементами действительности. Эти связи могут и не существовать реально, но вера аудитории в объективность структур или „молчаливое согласие“ об их реальности должны быть обязательно. Здесь рассматриваются отношения последовательности, сосуществования, символической связи, двойной иерархии. При этом главное – внешняя манифестация этих отношений.

Третий тип аргументов (аргументы, способствующие „воссозданию“ структуры реального) – аргументация, исходящая из частного случая, позволяющего установить модель или общее правило. Как примеры здесь можно привести модель, антимодель, иллюстрацию, суждение по аналогии, которые служат структурализации неизвестной реальности или выработке позиции для ее интерпретации.

Применима ли теория аргументации Х. Перельмана при анализе философского дискурса?

Традиционное противопоставление риторики и философии по существу основано на противопоставлении двух типов мышления: риторического, как касающегося вопросов приверженности, и научного, как стремящегося „преследовать“ истину. Этой точки зрения придерживаются многие исследователи, как то Оливер, Райл, Натансон, Джоунстоун, Оганесян, Брутян и мн. др. Это противопоставление представляется ошибочным, поскольку, „риторичность“ свойственна любому типу творческого сознания. Ю. Лотман в области научного сознания выделяет две сферы – риторическую („область сближений, аналогий и моделирования“), где выдвигаются новые идеи, устанавливаются неожиданные постулаты и гипотезы; – логическую, где „выдвинутые идеи подвергаются проверке, устраняются внутренние противоречия в доказательствах и рассуждениях“ [Лотман, 1981].

На наш взгляд, непосредственно процесс порождения текста, где вводятся в действие текстообразующие механизмы, происходит на уровне риторической сферы мышления и имеет сознательный, хотя и не всегда эксплицированный характер. Возможность понимания теории аргументации как теории порождения текста на риторическом уровне позволяет представить философский текст как риторический и исследовать процесс его порождения с точки зрения техники аргументации. Это подтверждается еще и тем, что сам Х. Перельман полагает основным принципом философии „принцип ответственности“, когда личная позиция философа оказывается включенной в систему аргументации, и философский текст становится эпидейктической речью, аргументация которой включает взаимодействие „лицо – речевой поступок“.

Таким образом философ становится „неориторической личностью“ – „создателем культуры“.

Для иллюстрации применимости теории аргументации к практическому анализу философского текста попытаемся дать общую характеристику философского дискурса Л. Карсавина на примере его работы „Основы политики“ (1927).

„Тема“ работы Л. П. Карсавина „Основы политики“ – „политика“ – учение о культуре как о единстве. На уровне инвенции задается смысловая оппозиция: единство как целостность (всеединство) – систематическое единство ряда „самостоятельных“ сфер (единство как сумма). Изначальная оппозитивность темы задана эксплицитно: „Для обозначения систематического учения о культуре, как о целом, мы избираем старый Аристотелевский термин „политика“ (от „полис“ – огосударственное целое). Таким образом, „снимается“ господствующая донныне антитеза общества и государства, и вместе с тем государственность признается моментом, качеством или признаком, определяющим единство и целостность культурного организма. Изучая культуру со стороны ее единства, мы принципиально отвергаем и понимание культуры как простого систематического единства ряда „самостоятельных“ сфер (государственности, социального строя, экономического строя, духовной культуры), и монистическое понимание ее путем выведения всех частных сфер из одной какой-нибудь частной же сферы (например – экономической), и пренебрежение к самому существенному моменту культуры, к принципу ее единства, не совпадающему ни с одной из частных сфер“ [Карсавин, 1992, 7]. Оппозитивность обуславливает как структуру аргументации в целом, так и структуру аргумента. В основе каждого аргумента – топос „качества“: идеал (точка зрения Л. Карсавина) противопоставлен узусу, „свое уникальное“ – общепринятому, – что позволяет характеризовать тип аргументации как „романтический“ (по определению Х. Перельмана).

В основе оппозиции – идея всеединства – основная тема всего философского учения Л. Карсавина, ведущая начало из русской метафизики всеединства А. Хомякова, В. Соловьева, Е. Трубецкого, П. Флоренского.... Их системы не составляют узкой школы философии, но в центре каждой из них – понятие всеединства. Всеединство есть определенный принцип организации сущего. Предшественники Л. Карсавина в качестве такого принципа рассматривали „мир в Боге“. Карсавин же говорит о „триединстве“: „первоединство – разъединение – воссоединение“. Всеединство, по Карсавину, есть принцип строения разъединяющего – воссоединяющегося единства

на любой стадии, который осуществляется в личности. Таким образом, его философия становится христианской философией личности.

Свою схему культуры философ выстраивает на уровне открытой аргументации, используя квазилогические аргументы. Топосы „качества“ (субконцепты темы), выделенные графически, выявляются в формальную схему:

- культура есть органическое единство, основа которого – культурные ценности, которые хранит и многообразно изменяет субъект развития;

- культура создается свободным субъектом (субъектом развития) и есть свободное его самопроявление;

- субъект развития может быть индивидуальным или соборным (симфоническим);

- соборный или симфонический субъект есть действительность не меньшая, чем индивидуум, но даже большая;

- для бытия соборного целого необходимо как выражение его множества, т. е. сферы индивидуального бытия, – так и выражение его единства, т. е. взаимная согласованность индивидуумов;

- единство индивидуумов не меньшая, а большая, чем индивидуум личность, однако лично осуществляющая себя только в свободных индивидуальных личностях и их согласовании;

- по идеалу и существу соборная личность есть всеединство своих индивидуальных и низших соборных личностей;

- во всякой соборной личности должен быть преимущественный носитель и выразитель ее целостности и единства (ее соборного сознания и соборной воли), обладающий властью;

- соборная личность обладает некоторою организацией;

- культура раскрывается как личное многоединство;

- государственность есть единство большой соборной личности.

Структура самой формальной схемы основана на последовательном переходе от одного концепта к другому, образуя своеобразное триединство, в центре которого – соборная личность, обрамляемая с одной стороны культурой, с другой – государством. Рассмотрим струк-

туру отдельного аргумента. Любая аргументация предполагает опровержение возможных и реальных аргументов, но в дискурсе Карсавина опровержение и противопоставление являются текстообразующими факторами. Обоснование аргумента и изложение собственного тезиса построены на полемике с общепринятыми взглядами, образуя следующую схему: тезис – антитезис – возвращение к собственному тезису на более глубоком уровне, формируя триединую замкнутую систему:

1) тезис: „культурные ценности составляют некоторое органическое единство, которое мы называем культурой“ (Карсавин).

антитезис: культура как простая сумма ценностей или их схема (общепринятая т. зр.).

тезис: культура – органическое единство, возникающие противоречия которого преодолимы только в метафизике и религии.

2) тезис: субъект развития может быть индивидуальным или соборным (Карсавин).

антитезис: соборный субъект как агломерат или простая сумма индивидуальных субъектов (общепринятая т. зр.).

тезис: соборный субъект есть согласование (симфония), согласованное множество и единство и – в идеале и пределе – всеединство. и так далее...

Структура аргумента позволяет определить форму аргументации как „скрытый“ диалог. Исходя из этого, интересно отметить некоторые особенности вербализации „диалога“, обусловленные полемическим состоянием автора, когнитивным диссонансом. Эта полемичность, в первую очередь, проявляется в использовании противительного союза „но“, „однако“, „а“ в значении „но“. И. Кручинина считает, что союз „но“ особую смысловую нагрузку несет в структуре диалога, „где с его помощью поочередно кладется предел репликам собеседников. Такой диалог всегда эмоционально окрашен. Это тон „жаркого“ спора“ [Кручинина, 1984, 208].

Рассматривая текст на уровне диспозиции, можно отметить соответствие всем правилам риторического канона:

1) краткое и строгое введение в тему с использованием (но не злоупотреблением) „нравов“;

2) предложение, состоящее из „разложения темы“ на субконцепты;

3) как значимое, так и значительное по объему подтверждение, „осуществляющее ревизию“ всех топосов, рассмотренных на уровне инвенции;

4) заключение, содержащее резюме аргументации и вызывающее эмоции, что ярко отражено на элокутивном уровне: как в лексике, так и в синтаксисе. Появление „низких“ лексических единиц („языческая мерзость“, „мыльные пузыри“ – „индивидуумы“, „лопнут и смердеть будут“...) – есть риторическая фигура, безусловно придающая тексту субъективную окраску. Эта субъективность проявляется и в такой особенности текста, как использование в заключении личного местоимения „я“, которое, изменяя модальность текста, становится риторической фигурой и еще более усиливает эмоциональную окраску дискурса.

Таким образом, риторический подход предоставляет реальную возможность изучения порождения философского дискурса.

ABOUT THE RHETORIC APPROACH TO THE PHILOSOPHY DISCOURSE ANALYSIS

I. Melnikova

Summary

The article deals with philosophy discourse problem. The new rhetoric of Chaim Perelman is suggested as a method of philosophy discourse analysis. The potential abilities of the method are shown on L. Karsavin's „The Principles of Policy“.

APIE RETORINĮ POŽIŪRĮ Į FILOSOFINIO DISKURSO ANALIZĘ

I. Melnikova

REZIUOMĖ

Šiuolaikinės mokslininkų pažiūros į kultūrą kaip į kalbą (į tekstą) leidžia analizuoti ir filosofiją kaip kalbą. Nepaisant bendrų tyrinėjimų – skirtų filosofijos ir kalbos problemoms – egzistavimo, būtent filosofinio diskurso analizė lieka nauja neiširta tema.

Straipsnyje pasiūlytas pirmasis mėginimas nubrėžti filosofinio diskurso analizės principus. Šių principų išvedimas, autoriaus nuomone, leidžia nustatyti filosofo kognityvinio modelio ir filosofinio diskurso struktūros sąveiką. Naudojant šį metodą, siūlyta neoretorinė Chaimo Perelmano teorija. Po teorinės straipsnio dalies pateikta bendra L. Karsavino darbo „Politikos pagrindai“ (1927 m.) diskurso charakteristika.

ЛИТЕРАТУРА

- Барт Р. „Писать“ – непереходный глагол? // *Arbor Mundi*. Вып. 2. Москва, 1993.
- Бибихин В. Язык философии // *Путь*. Москва, 1993, № 3.
- Волков А. А. Неориторика брюссельской школы // *Неориторика: Генезис. Проблемы. Перспективы*. Москва, ИНИОН, 1987.
- Дюбуа Ж, Эделин Ф. Общая риторика. Москва, Прогресс, 1986.
- Карсавин Л. П. Евразийство. Мысли о России. Тверь, 1992.
- Кричинина И. Н. Текстобразующие функции сочинительной связи // *Русский язык. Функционирование грамматических категорий*. Москва, Наука, 1984.
- Лотман Ю. М. Риторика // *Труды по знаковым системам Тартусского гос. университета*. Вып. 515, Тарту, 1981.
- Мейзерский В. М. Философия и неориторика. Киев, Наукова думка, 1991.
- Петров В. М. Когнитивные методы в социальных исследованиях // *Язык и моделирование социального взаимодействия*. Москва, Прогресс, 1987.
- Perelman C. *L'empire rhetorique: Rhetorique et argumentation*. Paris, 1977.